

«Три сестры»: зачем живем, зачем страдаем?

Сто десять лет назад Чехов создал одну из самых совершенных и сложных по художественному построению пьес – «Три сестры». Она стала «культовой» среди русской интеллигенции начала XX века и была буквально расхватаана на цитаты: «В Москву, в Москву...», «Надо работать...», «Через 200-300 лет...».

Кожевникова Е.

Пьеса «просится на бумагу»

В пьесе отразился самый широкий пласт не только жизненных реалий таганрогских, воскресенских, мелиховских, московских, ялтинских, но и автобиографических.

Долгие годы цепкая память писателя «процеживала сюжет» и оставляла «только то, что важно или типично». Об этой специфике творческой работы брата свидетельствовала Мария Павловна: «...примечательно то, что сюжеты своих произведений он мог хранить и не использовать долгое время, пока они у него не созревали».

Замысел «Трех сестер» возник, очевидно, в конце 1898 - начале 1899 года, о чем свидетельствуют заметки в записной книжке. К подготовительному периоду относятся записи на отдельных листках, среди которых - важные для понимания идейной направленности будущей пьесы: «Чтобы жить, надо иметь прищепку... В провинции работает только тело, но не дух». В записях были намечены краткие характеристики почти всех действующих лиц, имена сестер, фамилия Соленьих.

Об интересном факте, проливающим свет на то, как складывался сюжет пьесы, сообщила А.В. Ханило: «В письменном столе А.П. Чехова в кабинете ялтинского дома хранится почтовая открытка - фотография трех маленьких девочек, трех сестер, одинаково одетых в платьица в мелкую клеточку с большими белыми воротничками - пелеринками. Возраст девочек примерно 3,5 и 7 лет. Не известно, когда появилась эта фотография у Чехова (до создания пьесы «Три сестры» или позже) и чьи дети изображены на ней. Они не похожи друг на друга, видно, что уже в этом возрасте у каждой свой характер. Но это *три сестры*».

Перелом времен, когда девятнадцатый век сменился двадцатым, А.П. Чехов встретил в собственном доме в Ялте. «Мне скучно, - писал Антон Павлович, - скучно и без москвичей, и без московских газет, и без московского звона, который я так люблю... где театр, кружок и всякие соблазны». Когда в Аутке случился пожар, он писал О.Л. Книппер: «Я вставал, смотрел с террасы на огонь и чувствовал себя страшно одиноким». Тоска по Москве, одиночество, пожар - предвестники настроений и событий в пьесе «Три сестры».

Впервые название пьесы появилось в письме Чехова В.И. Немировичу-Данченко: «У меня есть сюжет «Три сестры», но прежде, чем не кончу тех повестей, которые давно уже у меня на совести, за пьесу не засяду» (24 ноября 1899г.).

Для молодого Художественного театра новая чеховская пьеса в ближайшем сезоне была насущной необходимостью. В начале марта 1900 года А.П. Чехов сообщил Немировичу-Данченко, что пьеса «наклеивается, но писать не начал, не хочется, да и надо подождать, когда станет тепло».

Вплотную к работе он приступил в августе: «Пьеса сидит в голове, уже вылилась, выравнилась и просится на бумагу»; «...начало вышло ничего себе, гладенько, кажется» (О.Л. Книппер, 18 августа), «...кажется, ничего себе, умственно» (ей же, 30 августа). Антон Павлович надеялся закончить пьесу в начале сентября. Однако, приступив к работе, он испытал затруднения, с которыми не сталкивался при написании других пьес. В письмах родным и

знакомым Чехов не скрывал, что работа идет трудно, что в сезоне 1900 года не даст пьесу в театр. Не желая сильно огорчать Ольгу Леонардовну, Антон Павлович написал ей шутивное письмо: «Пусть пьеса полежит немножко, взопреет, или как говорят купчихи про пирог, когда подают на стол, - пусть вздохнет...» (28 сентября).

Тем не менее к середине октября пьеса была написана. «Ну-с, сударь мой, - сообщал Чехов М. Горькому, - ...можете себе представить, написал пьесу... Ужасно трудно было писать «Трех сестер». Ведь три героини, каждая должна быть на свой образец, и все три - генеральские дочери! Действие происходит в провинциальном городе, вроде Перми, среда - военные, артиллерия» (16 октября).

Начать жизнь снова...

«Три сестры» стали первой пьесой, которую автор писал для определенного театра и определенных актеров, рассчитывая на возможности их актерского доигрывания и режиссерского додумывания создателей Художественного театра К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко.

Спектр осмысления чеховской драмы чрезвычайно широк: от философских идей, заложенных в тексте, до исследования мотива времени, трактовки изображаемого пространства, проблемы реалий и прототипов, темы красоты и служения.

Среди известных исследователей мотивов чеховской драматургии один из главных - мотив времени. Особенно часто возникает в диалогах тема возраста, прожитых лет и предстоящей жизни. В одной из записных книжек Чехов отмечает: «Прежде герои повестей и романов (Печорин, Онегин) были 20 лет, а теперь нельзя брать героя моложе 30-35 лет. То же самое скоро будет и с героинями». По убеждению писателя, героем может быть человек зрелых лет, взявший от жизни и получивший от нее достаточно. Они еще «способны к вольным порывам», но стеснены, а порой связаны по рукам и ногам жизненными обстоятельствами. Например, у Вершинина, полюбившего Машу, жена и две дочери - это знак его несвободы, он скован долгом, обязательствами.

По воле автора мы встречаемся с героями в самые важные для них моменты, когда приходит осознание краткости жизни, прожитой, возможно, не так, как следует, и что переделывать ее, кажется, уже поздно. Помните у Вершинина: «Я думаю: что если бы начать жить снова, притом сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, как говорится, начерно, другая - начисто!.. У меня жена, двое детей, притом жена дама нездоровая и так далее, и так далее, ну, а если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы... Нет, нет!».

Но и три сестры - молодые, красивые, интеллигентные - тоже приобщаются к драме сорокалетних, сетуют на усталость, на неудовлетворенность жизнью. К примеру, Ирина: «Как я устала... Устала. Нет, не люблю я телеграфа, не люблю... Надо поискать другую должность, а эта не по мне. Чего я так хотела, о чем мечтала, того-то в ней именно и нет. Труд без поэзии, без мыслей... устала».

Характер настроения героев пьесы сопоставим с круговоротом жизни в самой природе.

Чехову удалось показать поразительную чуткость своих персонажей к смене времен года, что свидетельствует об их душевной тонкости. Маша - один из самых драматических образов в пьесе Чехова, возможно, сильнее других ощущает это движение природы, не только обостряющее ее страдание, но и помогающее спастись от бытовой повседневности. В первом акте, когда настроение весеннее, ярко светит солнце, появляется образ белых перелетных птиц. В четвертом акте сестры говорят о холоде, снеге, близкой зиме. И снова, в последний раз, возникает перед ними облик вольных перелетных птиц.

В белой редакции пьесы рядом с финальными репликами Ирины и Ольги был прекрасный монолог Маши, сокращенный по просьбе Художественного театра, в котором тема времен года соединялась с образом перелетных птиц, обнаруживая свою обращенность к вечности: «...Надо жить... (Смотрит вверх.)».

Над нами перелетные птицы, летят они [уже] каждую весну и осень уже тысячи лет и не знают, зачем, но летят и будут лететь еще долго, долго, много тысяч лет - пока, наконец, бог не откроет им тайны...».

Не раз высказывалось мнение, что Чехов равнодушен к истории, что как художник он находится на «слишком быстром расстоянии от своих современников», охвачен бытовыми впечатлениями сегодняшнего дня. Д.С. Мережковский полагал, что «чеховский быт - одно настоящее, без прошлого и будущего, одно неподвижно застывшее мгновенье...». С подобными положениями трудно согласиться. Персонажи пьесы ощущают историческое время, они говорят о прошлом и будущем России, о жизни, какой она была когда-то, какой станет через 200-300 лет. Свое собственное время они воспринимают как неизбежный итог жизни предшествующих поколений и залог прекрасного будущего. Вершинин считает, что бытие нынешних людей приобретает настоящую цель через духовную связь с будущим: «Человеку нужна такая жизнь, и если ее нету пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней».

Ожидание у Чехова неразрывно связано с терпением. А кому не известно, что терпение - это способность мужественно переносить невзгоды и разочарования жизни, при этом не теряя веры в добро и лучшее будущее. Но ведь терпение - это и рабская покорность судьбе, черта нерешительных и вялых натур. «Люди, склонные терпеть во имя будущего, - убежден Б. Зильберштейн, - как правило, не столько живут, сколько ждут, что когда-нибудь начнут жить». Мы преклоняемся перед терпением, с каким три сестры переносят жизненные перипетии, гнетущую провинциальную скуку, свою невостребованность. Искренне сопереживаем, Маше и Вершинину, которые покоряются разлучающим их обстоятельствам, Андрею, послушно сносящему все поступки своей жены - мещанки, и сестрам, сдающим позиции и позволяющим во всю ширь развернуться Наташе.

Она вошла в чужой дом робко, стесняясь и заискивая, но сестрам сразу претила ее безвкусица - в одежде, в попытках объясниться на плохом французском. Она не человек их круга, а потребитель жизни. Наташа хорошо знала «как надо» жить - как надо обращаться с мужем, как надо хорошенькой женщине вести себя с нужным человеком, как надо составлять меню и заботиться о детях. «Воплощенная пошлость, - пишет И.Н. Соловьева, - она была и воплощенная жизнь: энергичная, деятельная, выставляющая напоказ своих румяных младенцев, свою простоквашу и свой здравый смысл как победительную антитезу... томящей и бесполезной в домашнем быту духовности... Наташа ни разу не берет слова в спорах, которые ведут между собою ищущие смысла жизни персонажи... она только хочет во избежание недоразумений раз и навсегда договориться: что - их, а что ее».

Жизненные принципы Наташи только «по горизонтали», без соотнесения с высшими идеалами, она пребывает с сестрами в разных измерениях. И говорят они на непереводаемых друг для друга языках!

Не традиционно, и только у Чехова, в пьесе поиск смысла жизни ведут обычные люди, споры о высших целях бытия они ведут в обычной, порой даже чудаковатой и неловкой манере, свойственной людям жизни, а не профессиональным философам. Автор изображает героев, у которых идеальная и обыденная стороны жизни тесно переплетены: будничное существование одухотворено поисками смысла жизни и высших целей бытия.

От Туртукая до лукоморья

В простых на первый взгляд монологах-исповедях сказалась отличная от традиционного театра новация Чехова в обрисовке сценических персонажей, новая манера рисовать образ штрихами, использовать прием «речевых лейтмотивов».

Его знаменитые «Цып, цып, цып...» Соленого или «Тара-ра-бумбия...» Чебутыкина...

И самый необычный лейтмотив - фраза, которую несколько раз произносит Маша: «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...». Так в пьесе приходит пушкинская тема, пушкинский образ.

Этот лейтмотив, характерный для Маши, появился в пьесе не сразу. 29 октября 1900 года в Художественном театре, на предварительной читке, Маша во всех трех случаях про-

износила совсем другую строчку - из знаменитой депеши фельдмаршала Суворова после взятия турецкой крепости Туртукай: «Слава Богу, слава нам, Туртукай взят, и мы там». Кажется бы, она более направлена на утверждение жизненной активности, которой так не хватает сестрам (ведь они - дочери бригадного генерала). «Скорее всего, эта фраза более характеризовала интеллектуальные данные Маши, чем начало пролога к пушкинской поэме, которое у каждого было, что называется, «на слуху»: ведь необходимо усилие, чтобы идентифицировать этот самый Туртукай, - замечает исследователь В.А. Кошелев. - Ведь и Маша, повторяющая эту фразу трижды в пьесе, задает себе вопрос: «Что значит «у лукоморья»? Почему это слово у меня в голове?». Но для Чехова эта фраза имела особую значимость.

Слово «лукоморье» было введено А.С. Пушкиным, так отмечено в словаре В.И. Даля. Он же дает объяснение: «Лукоморье, ср. морской берег, морская лука» (лука при этом объясняется как «изгиб, погиб, кривизна, излучина, заворот реки» и пр.). Он же отмечает сочетание лукоморские половцы («половщики, половики, половинщики, жившие по Азовскому морю»). Пушкин путешествовал по Приднепровско-Азовской степи в 1820 году вместе с генералом Н.Н. Раевским. Сорок лет спустя в «Лукоморье» родился Чехов.

А еще через сорок лет, 15 января 1900 года, Антон Павлович сообщил сестре, что купил кусочек берега с купанием и с Пушкинской скалой около пристани и парка в Гурзуфе: «Принадлежит нам теперь целая бухточка, в которой может стоять лодка или катер. Дом паршивенький, но крытый черепицей, 4 комнаты, большие сени. Одно большое дерево-шелковица». Место было не только тихое, уединенное, красивое, главное - оно связано с Пушкиным. «По преданию, - пишут исследователи В.Я. Звизняцкий и А.О. Панич, - молодой Пушкин в бытность свою в Гурзуфе с Раевским любил бродить среди скал на окраине поселка и забираться на одну из них - именно на ту, что расположена в бухточке, купленной Чеховым». Так и оказался писатель опять у луки морской.

Вернемся к прологу поэмы «Руслан и Людмила», построенному на повторении сказочных образов (леший, русалка, избушка на курьих ножках и т.п.) и повторении наречия «там»:

«Там чудеса: там леший бродит...», «Там на неведомых дорожках...», «Там лес и дол видений полны, Там о заре прихлынут волны...», и наконец - «И я там был...». «Не трудно заметить, - считает В.А. Кошелев, - что Пушкин... представляя «магическое там»... соединял отвлеченную мечту и русскую сказку... лукоморье приобретает особый смысл и становится образом, рожденным народной сказкой и находящимся вне пределов обыденного сознания».

Вероятнее всего предположить, что в пьесе эту функцию «лукоморья» с магическим «там» выполняет образ Москвы, ставший символом страстного, горячего желания сестер вырваться из окружающего их мира. Москва предстает как «волшебный край», в ней предполагается совсем иная жизнь: «там» - не здесь, «там» совсем как в «лукоморье», в сказке...

Почему же эту пушкинскую фразу, такую значимую для понимания замысла пьесы, произносит трижды именно Маша? Может быть, потому, что она лишена и этой мечты сестер, она замужем и может приехать в Москву лишь на все лето каждый год. Символом этой безысходности ее судьбы становится черное платье, в которое «как обыкновенно» одета Маша, «великолепная, чудная женщина».

Как бы ни были тяжелы обстоятельства жизни каждой из сестер, они сохранили благородство, милосердие, чуткость души, все то, что объединяет единое слово -порядочность. Они искренне хотят изменить свою жизнь, понять ее смысл, участвовать в ней, способствовать ее улучшению. Не случайно говорит Ольга: «О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!».

Есть в пьесе еще одна значимая оптимистическая фраза, которую в задумчивости произносит Тузенбах и с которой соглашается Вершинин: «Страдания, которые наблюдаются теперь, - их так много! - говорят все-таки об известном нравственном подъеме, которого

уже достигло общество...». Для русской жизни на пороге века нужен был дар негодования, дар совести, неспособной стерпеть, чтобы при тебе творилось скверное и низкое.

По глубокому убеждению А.П. Чехова, смысл жизни человека в незаискиваемом протесте против равнодушного согласия с формами жизни, в которых возможно все происходящее. Именно в этом просматривается все возрастающая роль великого писателя в духовной жизни человечества.